

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2004 г.

АНАТОМИЯ ИЛИАДЫ: НАЧАЛО ДИСКУССИИ

На мою «Анатомию Илиады»¹ появилось три рецензии: две одобрительных и одна разгромная. Мир исследователей древности очень узок, так что с авторами всех трех рецензий я знаком, все они (за исключением одного соавтора последней рецензии) имели текст моих штудий еще до публикации моей книги, но и я получил изложение их взглядов еще до появления их рецензий. Поэтому тут для меня не было неожиданности. Более того, неожиданности не было и в более глубоком смысле. Я знал, с чем я столкнусь, выпуская свой труд. Во-первых, я осознавал спорность некоторых положений своей концепции. Во-вторых, я понимал, что, не будучи античником, я вторгаюсь в мир людей, которые всю жизнь рассуждали о гении Гомера, о стиле Гомера, о единстве его великих поэм, – и вдруг на тебе: является современник, который, возобновляя аналитические идеи позапрошлого века, заявляет, что никакого уникального поэта, автора «Илиады» и «Одиссеи» не было, как и Троянской войны, что поэмы эти суть создания многих авторов на протяжении одного-двух веков, а конечный результат – компиляция. Ясно, что у профессионалов это вызовет отторжение, а с энтузиазмом встретят немногие. Я встречал эту реакцию уже при устных обсуждениях (в нашей стране и за рубежом).

Из одобрительных рецензий для меня была особенно важной первая, поскольку она была написана (еще до публикации всей книги) таким авторитетным историком древнего мира, как И.М. Дьяконов². Этот ученый долго и придирчиво изучал мои рукописи и таблицы. Потом, после появления первой из серии моих статей, предшествовавших книге, опубликовал отклик, в котором написал обо всей серии и об исследовании в целом. Таким образом, его рецензия предваряла книгу. «В ранней юности, – писал И.М. Дьяконов, – я мечтал разобраться в неясностях и противоречиях гомеровского эпоса, ради этого, собственно, и стал историком. Но для понимания Гомера потребовалось рассмотреть некоторые восточные сюжеты, на которых я задержался, как оказалось, на всю жизнь. Так и не привелось сделать открытий, которые бы позволили лучше понять «Илиаду». Как представляется, Л.С. Клейну это сделать удалось».

Ученый высказал некоторые критические замечания, а в заключение своего отзыва написал: «Л.С. Клейн отнюдь не повторяет ошибок прежних сторонников множественности источников «Илиады», которые не могли выйти из круга формальных и субъективных построений. Он предлагает объективные, легко проверяемые критерии правильности литературно-критического анализа. Как бы ни относиться к выводам автора, перед нами серьезная и тщательная работа, к которой, с моей точки зрения, историкам необходимо отнестись со всей серьезностью. Можно с ней не соглашаться, но не учитывать ее отныне уже нельзя». Реализуя собственную оценку, И.М. Дьяконов ввел некоторые мои выводы (в частности, об Илионе и Трое как разных городах) в свой учебник.

¹ Клейн Л.С. *Анатомия «Илиады»*. СПб., 1998.

² Дьяконов И.М. Местоположение Трои и хетты (По поводу работы Л.С. Клейна) // *НАА*. 1987. № 2. С. 209–211.

А дальше следовали весьма необычные у И.М. Дьяконова строки о моих результатах: «Опровергнуть его выводы если вообще возможно, то только на основании столь же детального и аргументированного анализа гомеровского текста и правильного понимания характера эпической поэзии. На мой взгляд, работа Л.С. Клейна построена так, что полностью ее опровергнуть будет весьма трудно, да и поправки сколько-нибудь кардинального характера представляются маловероятными». После этого завершающий абзац звучал вполне логично: «Не исключено, что исследования Л.С. Клейна, если их взять во всем объеме, будут означать начало новой эпохи в гомероведении». Конечно, эти ободряющие слова помогают мне перенести любое отторжение.

Вторая ободряющая рецензия – В.А. Коршункова³ – в основном следует оценке И.М. Дьяконова. Третья рецензия, сугубо скептическая, написана В.Л. Цымбурским и В.В. Файером⁴. Она появилась в 2002 г., но, к сожалению, я смог с ней ознакомиться только недавно. На этой рецензии хотелось бы остановиться подробнее, потому что она самая пространная и единственная, опубликованная в головном специализированном журнале. Кроме того, как обычно бывает, именно противники автора поднимают наиболее интересные методологические вопросы, и хотелось бы защитить свои позиции.

Мои критики совершенно справедливо пишут, что в книге встречаются противоречивые высказывания (они любезно предложили список их – с. 184–185 рец.) и что она зря выпущена в авторской редакции: хороший профессиональный редактор помог бы их устранить. Противоречия появились из-за продолжительности времени работы над частями книги, а в авторской редакции книга была выпущена по финансовым причинам: гранта на издание не хватило. Возможно, критики правы и в возражении против принятой мною короткой хронологии Хр. Подцувейта, мало кем признанной. Однако для сути книги эта хронология или отказ от нее мало что меняют. Обратимся к более существенным критическим положениям. Критики предъявили против моей концепции три основных возражения.

1. Прежде всего, они поняли меня так, что я декларировал свою приверженность к фольклористической школе М. Пэрри – А. Лорда в гомероведении, а с позиций этой школы устное народное творчество не знает строго фиксированного авторства, гомеровский эпос создавался импровизаторами из стандартных формул, индивидуальное авторство в нем было просто невозможно. Какое же я имел основание, исходя из этих методологических позиций, выдвигать против идеи одного автора идею нескольких поэтов и оперировать целыми кусками текста, реконструировать вставки и пропуски, как если бы он был письменным?

2. Второе крупное возражение относится к проблеме оригинальности моего вклада. По словам критиков, мой труд, «суммирующий многочисленные публикации прежних лет», дает повод для серьезного недоумения» (с. 179 рец.). С их точки зрения, я «...просто очень поздний гомеровед-аналитик, представитель того подхода, который именно в классической филологии процветал на протяжении XIX и первой трети XX в., но безнадежно захирел к нашим дням...» (с. 180 рец.).

3. Третье возражение критиков касается математических оснований проделанных статистических операций и предъявленных мною таблиц. Критики нашли у меня существенные нарушения правил статистики, которые делают мои заключения несостоятельными, а мои таблицы неубедительными, несмотря на всю их наглядность. Они заметили, что мои «корреляции», строго говоря, вовсе не корреляции, а взаимосвязи.

Рассмотрим эти возражения по порядку.

³ Коршунков В.А. // Новое литературное обозрение. 2001. 51. С. 438–440.

101

⁴ Цымбурский В.Л., Файер В.В. Рец.: Л.С. Клейн. *Анатомия «Илиады»*. СПб., 1998 // ВДИ. 2002. № 1. С. 179–189. Этой рецензии предшествовала другая, на отдельно напечатанную главу из моей книги: Цымбурский В.Л. «Миры» терминов «Троя» и «Илион» в гомеровском эпосе (по поводу гипотезы Л.С. Клейна) // *Комплексные методы в исторических исследованиях*. М., 1987. С. 168–170.

1. *Фольклористика*. Действительно ли я объявил себя «приверженцем школы М. Пэрри», как мои критики утверждают на с. 179 своей рецензии? Нет, этого нет нигде в моей книге. Я лишь выражал свое восхищение вкладом этой школы и общее признание справедливости ее основных утверждений (вроде бы это признание разделяют со мной и мои критики, что не мешает им придерживаться унитаристских взглядов). Если уж говорить о моих ориентирах в фольклористике, то учился я фольклористике у В.Я. Проппа; это другая научная традиция, которая обращает больше внимания на жизнь и типологию мотивов, на структуру содержания и на связь с этнографией. Пропп учил меня преодолевать иллюзии историчности сюжетов эпоса (особенно это выступает во второй моей книге о гомеровском эпосе – «Бесплотные герои»⁵). В цитированной критиками моей характеристике школы Пэрри я с уважением отмечал ее основополагающую идею, «что Гомеровский эпос по происхождению – фольклор, запись устного творчества народных певцов» (с. 9 моей книги; с. 179 рец.). «По происхождению» – сказано у меня. Критики не поняли точного смысла цитаты. Фольклорное «происхождение» еще не означает чисто фольклорного состояния.

На следующей странице я развивал свою мысль: «У древних греков Гомеровский эпос достиг более высокого развития, школы были более развиты, традиции более разработаны, особенно в результате регулярных общегреческих состязаний. Это был фольклор на грани перехода в литературу» (с. 10). Что я имел в виду под общегреческими поэтическими состязаниями – всем античникам понятно (мусические состязания на Делосе и др.). Я. Буркхардтом и А.И. Зайцевым показаны особая роль состязаний у греков и значение «агонического духа» для исключительного развития разных сфер греческой жизни, в частности эпоса⁶.

Гомеровских аэдов нельзя прямо приравнивать к южнославянским певцам (Авдо Меджедовичу и др.) и по вторым судить о возможностях первых. Дело не только в том, что регулярное участие в состязаниях развивало исключительные способности не только творчества, но и запоминания. Шедевры поэзии заучивались и исполнялись не только как импровизации, но и наизусть. Уже Ригведу, состоящую из тысяч песен, индийские жрецы запоминали наизусть и задолго до введения письменности передавали устно из поколения в поколение в течение многих веков, пока она не была записана. А греческий эпос запоминался лучше, потому что обладал жесткой структурой – гексаметром. Поэтому искусство греческих певцов состояло в том, что они свободно манипулировали не только стандартными мотивами и формулами, похожими на фразеологические обороты (это делали певцы во многих странах), но и целыми многострочными кусками текста.

Это был плавный переход от аэдов к рапсодам. А. Лорд считал, что между народными певцами и грамотными исполнителями была непроходимая грань. Да, здесь качественный скачок. Но в Греции аэды постепенно трансформировались в рапсодов. Возможно, здесь лежит секрет быстрой записи эпоса вскоре после введения письменности. Аэды-рапсоды были готовы к записи. А это делает применимыми к ним аналитические приемы, отточенные на изучении литературы.

Рассказав об отсутствии авторства и твердо установленного текста в фольклоре, Цымбурский и Файер возмущаются: «У Клейна все по-другому: его постулируемые “народные певцы” оперируют наизусть затвержденными (видимо опечатка: затверженными. – Л.К.) песенными массивами в тысячи стихов, делают перестановки, вставки и пропуски – и накрепко, слово в слово и стих в стих, как компьютер, запоминают и передают преемникам все, что при этом получается» (с. 180 рец.).

В том-то и дело, что получается не очень ладно, отсюда в «Илиаде» сотни несообразностей – разрывов и противоречий, – которые и позволяют аналитикам выявлять вставки и перестановки.

⁵ Клейн Л.С. Бесплотные герои. Происхождение образов «Илиады». СПб., 1994.

⁶ Burkhardt J. Griechische Kulturgeschichte. 2. Aufl. Bd 4. Berlin-Stuttgart, 1902. S. 61–90, 221; Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985.

∴ Вообще же я подхожу к «Илиаде» не столько как фольклорист и даже не столько как литературовед, сколько как источниковед. «Понимая, что “Илиада” – художественное произведение, я все же изучаю ее не как художественное произведение, а как исторический источник, точнее – как текст, который надо препарировать для использования в качестве исторического источника» (с. 4).

2. *Синонимы и дублиеты.* Действительно ли: «Основной результат работы Л.С. Клейна сводится к попытке вычленил в этой поэме несколько компонентов, отталкиваясь от того общеизвестного факта, что осаждающее Илион воинство в ней обозначается тремя синонимами... (с. 180 рец.)»? По мнению критиков, Клейн «...полон оптимистической уверенности, что в рамках предложенного им разделения по этнонимическому признаку могут получить оправдание чуть ли не все старые или новые аналитические спекуляции, даже вовсе не связанные с этим разделением по существу», и это второй «просчет его книги» (с. 182–183 рец.). Действительно ли я просто «суммировал» аналитические приемы XIX в. и предложил еще одно (которое по счету?) расчленение «Илиады» и еще одну реконструкцию аналитического толка? Тогда высокая оценка со стороны такого очень требовательного критика, как И.М. Дьяконов, совершенно непонятна.

К сожалению, естественная предвзятость античников, много поработавших в другом ключе, помешала им уловить, в чем истинное новшество моего подхода и в чем суть моей работы с синонимами и дублиетами. Между тем, суть моего подхода излагается во «Введении» к моей книге, в заключительном разделе 5 «Опыт и перспективы». Я пишу там о библейской критике, которая до XVIII в. (Гоббс, Спиноза) пыталась доказать множественность авторов Библии, опираясь на противоречия в ее тексте, – точно так, как поступали аналитики с «Илиадой». С Библией это не имело большого успеха – до Жана Астриюка, который заметил, что в книге Бытия есть параллельные рассказы об одних и тех же событиях и что Бог именуется в них по-разному: в одних – Элохим, в других – Яхве. Это положило начало расчленению книги Бытия на тексты Элохиста и Яхвиста. «В изучении Гомеровского эпоса, – писал я, – этот этап не наступил до сих пор» (с. 16).

Вот я и постарался применить тот же подход к «Илиаде» – благо и параллельные рассказы, и синонимы в ней изобилуют. Не просто обозначения «осаждающего Илион воинства», а и осаждаемого города (Илион и Троя), реки, у которой происходят битвы (Скамандр и Ксанф), одного из главных героев (Парис и Александр), богини (Афина и Афинея) и т.д. Это, конечно, не новый метод вообще, но к «Илиаде» в целом он применен впервые. И в этом смысле мой подход обладает принципиальной новизной. Так что даже если бы он был применен мною плохо, неудачно, неумело, объективные критики могли бы отметить его принципиальную новизну и перспективность, пожелав лучшего применения.

Добавок я ведь не просто указал на наличие таких пар в «Илиаде». Я постарался установить, случайны они или нет. Для этого я, во-первых, проследил, сопровождается ли каждая пара одними и теми же постоянными эпитетами или разными (оказалось, что сугубо разными в каждой паре – это четко видно в моих таблицах, но критики этого не заметили), а во-вторых, я попытался проследить, связаны ли эти пары между собой в единую систему, т.е. если представить каждую пару как двухполюсный магнит, то совпадают ли эти пары своими полюсами в ткани поэмы, – скажем, Илион в тех же кусках поэмы, что и Александр, а Троя – в тех же, что и Парис, и так со всеми парами? Именно такие взаимосвязи и установлены. Вот что нужно анализировать (или опровергать, если хотите).

Но критики предпочли останавливаться порознь на распределении каждой пары синонимов и, рассматривая мои отдельные замечания, раздумывать, какие интерпретации они, мои критики, могли бы предложить этим выхваченным полюбившимся им наблюдениям исходя из их собственного, весьма далекого от моего, понимания «Илиады» («Мы бы интерпретировали результаты Клейна таким образом...»). И заключают: «По нашему мнению, этими результатами, собственно, и определяется истинный

интерес, который книга Клейна должна представлять для гомерововеда». Они упрекают меня в том, что я не пошел по этому пути (то есть не подстроил книгу под их взгляды): «К сожалению, значительная часть книги не способствует тому вполне заслуженному интересу, который могли бы вызвать очерченные результаты автора» (с. 181 рец.).

3. *Математика*. Самый тяжелый удар по моей книге критики приберегли на конец своей рецензии: «Математические выкладки Клейна едва ли можно признать хоть сколько-нибудь убедительными. Автор не просто игнорирует статистические методы, но и нарушает элементарные законы математики под видом «практичности», т.е. для соответствия его гипотезам. Он использует сомнительные способы представления своих результатов, так что противоречащие его гипотезе данные затушеваны и не видны при беглом просмотре. Словом, многочисленные цифры и таблицы в «Анатомии Илиады» рассчитаны на читателя, который не захочет или не сможет в них разобраться» (с. 188 рец.). Действительно ли так? В этом плане критики предъявили мне пять обвинений.

Во-первых, их не устраивает тот факт, что для исходного анализа я избрал традиционное членение «Илиады» на книги (или «песни»), т.е.: «Вместо того, чтобы работать с текстом напрямую и искать, какие границы присутствуют в нем *объективно*, Клейн довольствуется *субъективным* делением, созданным в более позднюю, эллинистическую эпоху... Здесь Клейн напоминает хирурга, который режет тело не по анатомическому атласу, а по контурам татуировки» (с. 186 рец.).

Как раз я режу тело поэмы по «анатомическому атласу», только созданному давно и действительно субъективно. Но поскольку все остальные (в том числе самые современные) членения я считаю столь же субъективными «атласами», какой из них выбирать – для меня безразлично, и уж лучше традиционный. Критики предлагают вместо того «искать, какие границы присутствуют» в тексте на самом деле. Но у меня нет другого способа искать, как через мой анализ, а с чего-то начинать анализ нужно. Получение объективных границ – для меня не начало анализа, а его конец. И я действительно в итоге прихожу к совсем иному членению, но критики об этом забывают.

Они рекомендуют мне существующие в статистике «специальные методы фрагментации протяженного объекта». Если бы я сравнивал абсолютные числа разных кусков текста, это имело бы значение, но так как я сравниваю только индексы (отношения внутри каждого куска), размеры кусков и их неравенство не имеют значения. Рекомендованная фрагментация только затруднила бы античникам пользование моей книгой.

Второе обвинение моих критиков заключается в том, что я произвольно выбрал синонимические пары для прослеживания того, как составляющие их «полюса» распределяются по книгам «Илиады». В «Илиаде» множество синонимов. «Почему же Клейн выбрал именно эти несколько оппозиций? Не потому ли, что они хотя бы отчасти соответствуют его гипотезе?» (с. 187 рец.). Да, а что? «Но в таком случае можно доказать *любое* членение «Илиады»... Мы наугад взяли пару τόσσος – τόσος, обработали ее по методу Клейна и убедились в том, что она не подтверждает деление на «данайские и ахейские» книги» (с. 187 рец.). «Любое членение»? А вы попробуйте доказать любое другое, только при этом подтвердите результат совпадением разных пар.

Это обвинение критиков показывает их полное непонимание природы статистики или природы языка. Попытаюсь объяснить. Ведь заведомо ясно, что любые диалектные различия (будь то региональные или персональные) затрагивают только *некоторые* синонимические пары, в остальном язык-то один. Поэтому выбранные наугад синонимы редко дадут попадание в критерий членения. Большей частью окажется, что они ничего «не подтверждают». Найти нужные синонимы – это и удача, и интуиция и много предварительных попыток. Вы не попали в мишень. Что ж, поищите еще.

Третье математическое обвинение критиков более существенно. Оно заключается в том, что я оперировал не только большими числами, но и малыми, а при малых числах сильно увеличивается риск погрешности. Критики поясняют: «Предположим, например, что в 683-м стихе XI книги *πρότι* стоит по ошибке вместо *λότι* (метрика это

позволяет)». Тогда изменится индекс ρ для этой книги, и вся она переместится в таблице на другое место. Да, переместится и нарушит стройность распределения. Я это учитываю. Более того, считаю, что какие-то скрытые ошибки такого рода скорее всего в результатах налицо. Но это и есть статистика. Стройность результата в ней никогда не бывает полной. Всегда есть такого рода инкорпорированные погрешности. Мы должны учитывать не *каждое* положение *каждой* книги, а общую *тенденцию*. Один известный профессор-античник спрашивал меня: «Почему же у тебя в таблицах нет полного распределения по группам, а все границы расплывчаты и шатки?» Он считал, что это опровергает мое деление...

В *четвертом* обвинении мои критики стоят на более твердой почве. Это касается деления на ноль и представления в таблицах разных бесконечностей. Поясню. Допустим, у нас есть две бесконечных цепи с чередованием белых и черных звеньев, но в одной цепи белое звено повторяется через каждые два звена, а в другой – через каждые сто звеньев. Хотя число белых звеньев будет в каждой цепи бесконечно велико, но эти величины все же разные: одна во много раз больше другой. Я и хотел в индексах сохранить эту разницу. Насчет же деления на ноль я и сам оговорил, что «в математике на ноль делить нельзя».

Согласен, что эта моя позиция математически уязвима, но это обвинение касается (при вычислении индексов) всего нескольких строчек в нескольких таблицах.

Пятое обвинение затрагивает мои увязки («корреляции» или сопряжения). Критики правы в том, что «корреляция», «коррелировать», «коррелируют» у меня – общеобиходное, не строго математическое выражение, что корректнее было бы говорить о *взаимосвязи* (я и говорю в книге также о *сопряженности* – с. 509). А по существу это обвинение, собственно, распадается на два. Во-первых, критики упрекают меня за то, что я не прибегаю к математическому вычислению коэффициента корреляции. Вычисляя за меня этот коэффициент (точнее, коэффициент рангов Спирмена) для одного сопряжения (этнонимов с топонимами), они получили плохой результат: 0.32. То есть зависимость оказывается весьма слабой.

Да, я хотел учесть и слабые связи. Ведь в статистике учитываются только связи, в которых риск погрешности не превышает 13%. А в реальном исследовании, выдвигая и доказывая гипотезы, мы учитываем и гораздо более слабые связи. Если вероятность оправдания хотя бы выше, чем пятьдесят на пятьдесят, мы уже говорим: весьма вероятно! Но (!) сознавая, что эти связи слабые, я *не принимал их в расчет* до подтверждения другими данными. До совпадения с другими взаимозависимостями. Согласитесь, что совпадение *нескольких* взаимозависимостей, пусть и *слабых*, для *многих* песен создает *сильную* взаимозависимость, и чем их больше (песен и взаимозависимостей), тем итоговая взаимосвязь сильнее. Это можно выразить и математически, но у меня в период работы над «Анатомией Илиады» (в середине 80-х годов) не было на это времени и сил (у всех исследователей в России тогда компьютеров не было, а у меня и без того математических подсчетов было – уйма). Я считаю, что я свое поле вспахал. Более детальную математическую обработку оставляю другим – теперь, с наличием компьютеров, это не так трудно.

Вместо этого я предпочел графическое выражение результатов. С этим связана вторая часть пятого (последнего) обвинения. Критики возмущаются: «Почему же при визуальном просмотре табл. 17 создается впечатление, что этнонимы и топонимы связаны? Разгадка кроется в штриховке: Клейн выделил в таблице не все, а *только некоторые* «ахейские» и «данайские» песни!» (с. 188 рец.). Совершенно верно, я отметил не все ахейские песни и не все данайские, а только совпадающие в разных столбцах. «Иными словами, – продолжают критики, – «наглядная агитация» Клейна не проясняет, а скрывает реальное положение дел». А вот это уже неверно.

Я вообще *изначально не выделял ахейских и данайских песней* в этой таблице. В таблице представлены два столбца. В каждой песни распределены по возрастанию какого-то одного индекса: в одном столбце – это индекс соотношения топонимов города, в другом – индекс соотношения синонимических этнонимов греков. Оба индекса абсо-

лютно независимы друг от друга. Затем я посмотрел, какие песни размещены в одном конце *обоих* столбцов, а какие в другом конце *обоих* столбцов. Вот их-то я и заштриховал двумя разными видами штриховки. *Оказалось*, что в одном конце собрались «ахейские» песни (не все ахейские), в другом – «данайские» (тоже не все). Сгруппированные по этнонимам, они *автоматически* сгруппировались таким же образом и по топонимам! Считаю, что это показательно. А что не все – так опять же, это природа статистики (сказываются те самые погрешности, о которых так кстати напоминали мои критики, да и характер самого распределения, как обычно в жизни, – несколько расплывчатого).

Здесь я должен принести извинения читателю и критикам. Именно в таблице 17 есть погрешность технического исполнения. В издательстве при переводе моих таблиц из цвета в черно-белую компьютерную графику произошла неприятность: в выделенных клеточках таблицы выпали цифры (нумерация этих песен), а я, будучи чрезвычайно занят в это время, слишком бегло проверил таблицы, не углядел. Виноват. Правда, в тексте (гл. III) эти номера названы, и в тех таблицах (6 и 15), откуда столбцы взяты в таблицу 17 для сопоставления, все тоже названо, так что критики даже не заметили (или не отметили) этой погрешности, но все равно наглядность уменьшилась.

Нужно исправить: в закрытых пунктацией («ахейских») клеточках левого столбца должны стоять следующие номера песен (книг) сверху вниз: XXIV, I, III, XX, XXII. В правом столбце: XX, XXII, III, I, XXIV. Отмечаете совпадение? Кстати, наглядность можно было бы и усилить: песню XX можно было бы спокойно переместить наверх к скоплению трех «ахейских» песен – там ведь все (7 песен) с одинаковым показателем, – но я этого тогда даже не заметил, потому что не имел цели создать искусственно скопление! Оно само получилось. В обведенных жирной каймой («данайских») клеточках левого столбца нужно проставить следующие номера песен (сверху вниз): V, VIII, XV, XVII. В правом столбце это номера: XV, XVII, V, VIII. Опять совпадение, не мною созданное. Отмечу уж заодно в этой таблице погрешности в переписывании индексов α для песни III (4, 8 вместо 4, 7) и VII (3, 3 вместо 3, 4). Эти ошибки переписчика (в десятых долях) ничего не меняют, но исправить нужно. Аналогичный сбой произошел в таблице 9. Там из обведенных ячеек выпали имена «Амфитрион» (сын Алкея) и «Электрион» (отец Алкмены) – клеточки остались пустыми. Эта погрешность отмечена в рецензии В.А. Коршункова.

Если исключить эти досадные технические погрешности печати, то таблица 17 действительно наглядна и, хотя в левом столбце много знаков вопроса (там собрались индексы, образованные на основе малых чисел), общая тенденция ясно видна. *Даже если выбросить из таблицы все ячейки, содержащие знаки вопроса, тенденция останется.* Так построены все мои наглядные таблицы. Я за них спокоен. Кто подходит к ним без заведомой задачи непременно опровергнуть и отвергнуть, тот увидит.

Остается еще упомянуть о сильно рассердившей моих критиков шкале последовательности, в которой, как я предположил, основные герои эпоса входили в «Илиаду». Суть ее в подсчете процента постоянных эпитетов при герое. Имеется в виду, что чем фольклорнее герой, тем он древнее (раньше вошел в «Илиаду») и тем больше среди его эпитетов доля постоянных. Идея не моя – она принадлежала англичанину Д. Пейджу⁷, но он только высказался о возможности. Я осуществил это, подсчитав для каждого из основных героев долю постоянных эпитетов. Последовательность оказалась такой: Елена (65), Парис как Александр (47), Аякс Теламониос (45), Гектор (41), Ахилл (40), Приам (32), Эней (18), Парис как Парис (0). Есть ли возможность проверить шкалу? По давним предположениям (Кречмер и др.), имя гомеровского героя «Александр» связано с царем Вилусы (Илиона) XIII в. Алаксандусом хеттских источников. Имя же Приама («Прияма») есть в ликийском В, который иначе называется «труели» (по-троянски). Как бы этот факт ни интерпретировать, он

⁷ Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkeley – Los Angeles, 1959; в моей книге см. с. 24, 58–59 и др.

позволяет мне связать имя Приама со топонимом Троя. Гипотеза? Да, конечно. А теперь проверим ее. Сравним оснащенность постоянными эпитетами. У Александра – 47%, у названия Илион – 47%; у Приама – 32%, у Трои – 32% (табл. 9 на с. 466). *Quod erat demonstrandum*. Верен ли подсчет? Проверьте. А теперь посмотрите, что и сколько написали по этому поводу мои критики (с. 183–184 рец.).

У меня есть основания не унывать. Мои «Археологические источники», появившиеся в 1978 г., получили тогда тоже очень неоднозначный прием: и хвалу и гневные отповеди, а сейчас они переизданы в серии «Классика археологии» (1995 г.). Моя «Археологическая типология» (1982, 1991 гг.) при выходе первого издания была встречена разгромной рецензией, а теперь доктор математических наук, занимающийся археологией (и между прочим сетующий на привычку археологов свободно обращаться с термином «корреляция»), называет ее «великой книгой»⁸. Не претендую на ранг классика гомероведения (хотя оценка покойного И.М. Дьяконова до странности близка к этому), но уверен, что в моей «Анатомии Илиады» есть немало разработок, которые еще найдут у гомероведов-филологов признание и продолжение.

Мои занятия гомероведением вылились в три взаимосвязанных труда: «Анатомия Илиады», «Бесплотные герои» и «Каталог кораблей». Их нужно воспринимать как единую систему, одну концепцию. К сожалению, последний из этих томов остался неоконченным, и я вряд ли успею его закончить. Поэтому я опубликовал большую статью, в которой изложил основные выводы этого неоконченного тома и основные аргументы⁹ (кстати, я использовал там и одно ценное наблюдение из ранних работ В.Л. Цымбурского). Думаю, что это можно считать завершением моих гомероведческих штудий.

Л.С. Клейн

© 2004 г.

ОБРАЗНЫЕ ИСТОКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(По поводу книги: А.В. ПОДОСИНОВ. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрек, 2002. 488 с.)

География в позднюю античную эпоху представляла собой своеобразный когнитивный конгломерат, состоявший из фрагментов мифографии, научных изысканий греческих географов, популярных описаний древнеримских ученых и философов, библейской географии. Для современного ученого ситуация осложняется также совершенно иной ролью географической карты в древнем мире: карта не была еще самостоятельным научным продуктом, но скорее популярной иллюстрацией к различным географическим образам мира. Тем не менее изучение сохранившихся текстов и карт, имеющих отношение к региону Восточной Европы, показывает постепенное картографическое становление образов этой территории, многие из которых перекочевали на средневековые карты, а впоследствии оказали влияние в той или иной форме и на современные географические представления.

Римская «хорография» (т.е. описание различных местностей и стран) представляла собой причудливое сочетание, смесь страноведческих и этнографических сведений;

⁸ *Шпак А.Л.* Математическая мизантропия. Объяснительная записка, или предвзятый комментарий неспециалиста // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 209.

⁹ *Клейн Л.С.* Каталог кораблей: Структура и стратиграфия // *Stratum plus*. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса, 2000. № 3. С. 17–51.